

Изъ журнала участника войны 1812 года.

Въ 1809 году, 19-го декабря, я произведенъ былъ изъ 2-го кадетскаго корпуса подпоручикомъ въ 6-ю артиллерійскую бригаду и назначенъ затѣмъ въ роту капитана Берга, квартировавшую тогда на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ.

Полный комплектъ офицеровъ въ ротѣ послужилъ капитану поводомъ предложить мнѣ оставаться въ домѣ моей матери, впредь до какой-либо служебной надобности; въ числѣ послѣднихъ были караулы при Выборгской заставѣ.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я сталъ вести журналъ, который и начинаю съ воспоминаній о только что покинутомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1790 году, я съ младшимъ своимъ братомъ были приняты графомъ Валеріаномъ Зубовымъ въ инженерный-артиллерійскій корпусъ, что нынѣ 2-й кадетскій, на собственное графа содержаніе.

Поступили мы въ роту генерала Клейнмихеля, который насъ любилъ, и я часто бывалъ у него на ординарцахъ; впоследствии онъ назначалъ меня на ординарцы къ графу, а въ 1807 г. и къ цесаревичу Константину Павловичу.

Въ практическомъ походѣ въ Петергофъ я былъ особенно замѣченъ Его Высочествомъ, а именно наканунѣ тезоименства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда былъ въ караулѣ у театра. Это случилось слѣдующимъ образомъ: когда Царская фамилія и иностранные сановники шли въ театръ, Цесаревичъ, подойдя къ фронту, скомандовалъ: „ефрейторъ, впередъ!“ Я подумалъ, что при 10-ти

рядовыхъ разводить на посты долженъ унтеръ-офицеръ, спокойно стоялъ въ замкѣ. Его Высочество вытащилъ меня впередъ, при чемъ киверъ съ большимъ султаномъ и алебарда свалились; подобравъ ихъ, я оправился, а затѣмъ по уставу скомандовалъ первой смѣнѣ. Цесаревичъ самъ повелъ насъ на посты черезъ черный дворъ, гдѣ по случаю ремонта было набросано много кирпичу, глины и другихъ матеріаловъ. При видѣ этого, я доложилъ Его Высочеству, что здѣсь трудный проходъ, и просилъ позволить отыскать лучшую дорогу; убѣдившись, что я правъ, Цесаревичъ засмѣялся, не пошелъ дальше, а велѣлъ мнѣ поставить двухъ часовыхъ у входа въ театръ и двухъ у кулисъ. По прошествіи часа, мнѣ приказано было произвести смѣну; смѣнивъ часовыхъ у входа, я былъ въ большомъ затрудненіи, какъ пройти по узкому проходу за декорацией, чтобы смѣнить часовыхъ у кулисъ; алебарда не позволяла пройти, и я попросилъ капельдинера, обойдя тотъ узкій проходъ, передать кадету, стоящему по ту сторону кулисъ, чтобы онъ тихо отодвинулся и далъ мѣсто новому часовому. Но на часахъ былъ французъ Лебрюнь, не хотѣвшій оставить своего мѣста, такъ какъ игралась трагедія „Semiramis“.

Видя его упрямство и боясь, что Цесаревичъ въ другой разъ примѣтитъ мое упущеніе, я поставилъ возлѣ правой кулисы новую смѣну и скомандовалъ: „смѣна-маршъ!“ Мадамъ Жоржъ, игравшая тогда роль Семирамиды, была изумлена такою неожиданностью, остановилась, сложила руки и отошла въ сторону. Все, что было въ театрѣ, разсмѣялось, а я, исправно исполнивъ свою обязанность, пошелъ къ выходу. Едва составили мы ружья въ сошки, какъ явился Цесаревичъ, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Олсуфьевымъ; Его Высочество весьма меня благодарилъ и сказалъ: „Хоть тебѣ въ этой трагедіи не было роли, но ты кстати и прекрасно поддержалъ царицу Семирамиду!“ А затѣмъ, обратясь къ Олсуфьеву и глядя на меня, произнесъ: „Онъ навѣрное будетъ исправный офицеръ!“

Выходя изъ Петергофа, мы всѣмъ корпусомъ проходили повзводно мимо Царской фамиліи, смотрѣвшей на насъ сидя въ линейкахъ. Цесаревичъ стоялъ возлѣ первой изъ нихъ, въ которой была Императрица Марія Ѳеодоровна. Едва поравнялся съ нею второй взводъ гренадерской роты, гдѣ я находился на флангѣ, какъ Цесаревичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за щеку и потрепавъ толкнулъ въ лужу, искренно смѣясь на то, какъ я упалъ и проворно всталъ на свое мѣсто.

Въ 1810 году, при прохожденіи 6-й артиллерійской бригады изъ Кронштадта въ Стрѣльну, я былъ посланъ къ Его Высочеству отъ бригады съ рапортомъ; Великій Князь тотчасъ меня узналъ и, при-

нявъ рапортъ, ласково сказалъ: „Хорошо, Суханинъ, радъ тебя видѣть!“

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ становилось не спокойно. Французскій императоръ Наполеонъ стремился владычествовать надъ всѣмъ міромъ и для ослабленія Англїи, наибольшаго своего соперника, думалъ предпринять походъ въ Индію. Для этого ему надо было сначала подчинить Россію своему вліянію. Въ Тильзитѣ потому заключенъ былъ союзъ, хотя Императоръ Александръ Павловичъ и тяготился имъ. Одной изъ причинъ къ разрыву союза послужилъ отказъ на сватовство Наполеона къ сестрѣ русскаго Императора, великой кн. Аннѣ Павловнѣ; затѣмъ, Наполеонъ самовольно присоединилъ къ Польшѣ часть Галиціи и этимъ задумывалъ возстановить ее, наконецъ, присоединяя къ Франціи земли, онъ отнялъ владѣніе у родственника Александра Павловича, герцога Ольденбургскаго. Наполеонъ не получилъ за это согласія на закрытіе гаваней для судовъ съ англійскими товарами. Россіи приходилось поневолѣ увеличить свои военныя силы и подвинуть ихъ къ западной границѣ.

Носились между тѣмъ слухи, что Наполеонъ собираетъ большую армію, почему Императору Александру Павловичу необходимо было поспѣшить соединить свои силы. Наша бригада и вся гвардія выступили въ городъ Порховъ.

Прощальный день былъ для меня очень тяжелъ, но война, какъ опредѣленное съ дѣтства поприще дворянину, манила меня и вотъ, къ 6-ти часамъ утра 20 октября 1811 года, рота собралась во всей походной аммуниціи къ молебну.

Какъ трепетало сердце, когда передъ образомъ Св. Чудотворца Николая сѣдые усачи преклоняли колѣна: у многихъ искусившихся на полѣ славы я видѣлъ катившіяся слезы...

Угодникъ Святой! Внемли ихъ молитвамъ...

Сердце полно было думъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ хорошо отъ какого-то неизяснимо высокаго чувства... Любезное отечество, я для тебя рожденъ! Иду противъ враговъ твоихъ и нарушителей спокойствія Царскаго дома! Иду подъ твоимъ знаменемъ, съ сознаниемъ священнаго долга и помня, что оставляю старушку мать, сестеръ... все мнѣ дорогое.

Офицеры наши, все больше молодые люди, также оставившіе все близкое себѣ въ Петербургѣ, шли не весело, къ разговору не было охоты. Нашъ подполковникъ, человекъ пожилой, храбрый и суровый съ подчиненными, ѣхалъ передъ ротою верхомъ, погруженный въ какое-то горестное раздумье. У него осталась жена и трое дѣтей...—Вотъ Средняя Рогатка,—сказалъ подпоручикъ Кл.,—не

сдѣлаемъ ли привалъ?... „Хорошо“, отвѣтилъ подполковникъ. „Велите бросить лошадямъ сѣна. Господа, за мной!“

Мы вошли въ ближайшій домъ, куда въ большую залу принесли за нами пироги и водку. Никто не хотѣлъ ни до чего дотронуться.

„Эхъ, господа, сказалъ я, наливая серебряную чарку, что вы задумались... выпьемъ да закусимъ, такъ веселѣе пойдёмъ... а воротимся въ Петербургъ можетъ быть сами командирами!“

Офицеры послѣдовали мнѣ, закусили и выпили, и послѣ часового отдыха, всѣ пошли веселѣй.

Старые солдаты рассказывали разные случаи изъ боевой жизни, стоянки въ Пруссіи и въ Италіи, вспоминали безсмертнаго Суворова.

Я невольно увлекся ихъ простыми, не краснорѣчивыми рассказами. Какая должна быть радость, перенеся всевозможные труды и опасности, съ честью возвратиться въ свое отечество!

Изъ Порхова мы перешли въ мѣстечко Староселье, Могилевской губ., гдѣ, въ теченіе 3-хъ мѣсячной стоянки, пользовались гостепріимствомъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Въ это время нашъ бригадный командиръ, полковникъ Глуховъ получилъ другую часть, а вмѣсто него къ намъ назначили барона Таубе. Вскорѣ и нашъ командиръ ушелъ, роту же привялъ поручикъ Кл., шурина ушедшаго.

Въ іюнь 1812 года прочли намъ Высочайшій манифестъ, а черезъ короткое время, совершенно неожиданно, мы увидѣли и столкнулись съ непріателемъ.

Случилось это во время гулянья въ публичномъ саду, гдѣ всѣ беззаботно веселились: иной куртизанилъ въ густой аллеѣ съ паненкой, другой курилъ сигару, запивая пуншемъ. Я слушалъ нашихъ музыкантовъ, бывшихъ тогда лучшими въ арміи.

Вдругъ имъ приказано было какъ можно скорѣе идти въ паркъ; ничего не подозрѣвая, я вошелъ въ шатеръ генерала Костенецкаго, сидѣвшаго съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами. Мимо спѣшили кучками гуляющіе, и я, выйдя изъ шатра, замѣтилъ почти однихъ только поляковъ, шептавшихъ на ухо что-то одинъ другому. Въ десять минутъ садъ опустѣлъ; какое-то странное безмолвіе заступило мѣста веселья. Возвратясь въ шатеръ, я рассказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ это же время вошелъ человекъ лѣтъ 50-ти, въ синемъ сюртукѣ, съ двумя Екатерининскими медалями на груди. „Господа, вы ничего не знаете?!“ сказалъ онъ громко. „Французы близъ Вильны, я ушелъ изъ Ковно, бросивъ жену польку и дѣтей“...

Взглянувъ на всѣхъ насъ и примѣтя генерала, онъ обратился къ нему: „Ваше превосходительство, возьмите меня съ собою въ

армію!.. Посмотрите, что все это значитъ, видите ли, какъ презрительно поглядываютъ на насъ поляки?.. О, они давно ждали этихъ гостей“!

„Развѣ вамъ неизвѣстны слухи, что Наполеонъ намѣревается возстановить Польшу и освободить нашихъ крестьянъ? О, онъ ошибется, рассчитывая найти русскаго мужика готовымъ измѣнить своему Государю, а бывшіе кой-гдѣ толки о волѣ не пойдутъ на пользу враговъ“...

Въ серединѣ іюня войска непріятеля перешли нашу границу, не объявивъ даже войны. Оттѣснивъ насъ назадъ, 16-го іюня они заняли Вильну.

„Идемъ, сказалъ Костенецкій, посмотримъ, что все это значитъ... неужели“...

Едва я вышелъ изъ сада, какъ увидѣлъ ужасную суматоху.

Русскіе чиновники и купцы бѣжали по улицамъ, иные искали лошадей, экипажи, отправляли женъ, дѣтей, собирали свой скарбъ. Полковыя тяжести и лазаретные фургоны тянулись въ беспорядкѣ за городъ. Евреи запирали лавки, жители—свои дома.

Тутъ скакали гусары, тамъ казаки неслись съ длинными своими пиками...

Я поспѣшилъ въ свою квартиру. Денщикъ мой, Андреяшка, живо надѣлъ на меня ранецъ, далъ киверъ, знакъ и, схватя чемоданъ, пустился бѣжать на Погулянку, гдѣ рота наша была уже вся собрана. Ожидали приказанія куда идти. Пѣхота скорымъ шагомъ шла соединиться со своими корпусами, конница вытягивалась длинными линіями.

Вотъ подъѣзжаетъ ко мнѣ бригадный командиръ и приказываетъ: „Суханинъ, надѣньте на передки! Идите съ 4-мя орудіями за мною“!

Онъ провелъ меня въ линію Павловскаго и Екатеринославскаго полковъ, гдѣ приказалъ явиться графу П. А. Строганову. Все это было дѣломъ одной минуты.

Смеркалось, все стихло, казалось, на войска сошелъ какой-то страшный и величавый духъ...

— Заряжены ли у васъ, молодой офицеръ, орудія?—спросилъ меня генералъ Цвилленевъ, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ видомъ.

„Одно гранатою, одно картечью, а остальные два ядрами, ваше превосходительство“, отвѣчалъ я.

„Здравствуй, братъ Суханинъ“, сказалъ вдругъ, ударивъ меня по плечу, Екатеринославскій офицеръ,—„вотъ гдѣ мы увидѣлись послѣ корпуса“!

Какъ радостно въ такія минуты, когда всё ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго, встрѣтиться со своимъ однокашникомъ.

„Слава Богу, Бѣлавинъ, что я хоть тебя увидѣлъ здѣсь!“ отвѣчалъ я, пожимая ему руку.

Дождь полился на насъ, какъ изъ ушата; я велѣлъ снять съ лафетовъ мѣшки съ овсомъ и, поставя ихъ пирамидально, мы съ Бѣлавинымъ залегли подъ ними, а затѣмъ пустились въ разсужденія о славѣ и величіи Россіи; вспомнивъ же, какъ жестоко страдало населеніе въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ непріятельскими войсками, какъ жители въ ужасѣ бѣжали изъ горѣвшихъ своихъ жилищъ, подпаленныхъ врагомъ, какъ просили пощады хотя бы для женщинъ и дѣтей, а вмѣсто состраданія находившихъ лишь грубое насиліе, мы впередъ были увѣрены, что французы дальше ничего не найдутъ, кромѣ покинутыхъ и обгорѣлыхъ развалинъ.

Въ рядахъ гренадеровъ носились слухи, что одинъ только непріятельскій авангардъ состоялъ изъ 80 тысячъ человекъ, что подтверждали также Тептярскіе казаки.

Численность же всей непріятельской арміи опредѣлялась значительно больше четырехсотъ тысячъ человекъ и 1.200 орудій.

Наполеонъ заявилъ, что „рокъ увлекаетъ Россію къ гибели“, и русскіе будутъ прогнаны въ Азію.

Казаки дрались отчаянно, несмотря на превосходство силъ противника, и этимъ нѣсколько удержали напоръ авангарда, давъ время приготовиться нашимъ войскамъ. Гвардія, первая гренадерская дивизія, 1, 3 и 4 наши корпуса уже соединились.

Часу въ пятомъ утра велѣно было намъ идти на Видзы, гдѣ расположиться бивакомъ.

Къ вечеру слышны были выстрѣлы, къ ночи же казаки привели пять человекъ раненыхъ непріятельскихъ офицеровъ и 15 рядовыхъ. Всѣ они были старые служивые, украшенные знаками отличія. Несмотря на наше хлѣбосольство и всѣ заботы, они увѣренно предсказывали неминуемую и совершенную гибель Россіи. Между тѣмъ дождь лилъ третьи сутки и напрасно въ войскахъ старались развести огонь; не было возможности осушиться, и мы, промокшіе до нитки, трясаясь отъ холода, благодарили Бога, что непріятель насъ не тревожитъ.

Первая непріятельская армія направлена была на центръ русскихъ силъ, вторая должна была разбить вторую нашу армію, третья—идти въ разрѣзъ между двумя первыми русскими арміями; особыя силы должны были угрожать изъ Курляндіи Петербургу. Наполеонъ былъ въ Вильнѣ на другой день послѣ оставленія ея Императоромъ Александромъ.

Утромъ, подъ яснымъ и чистымъ небомъ, выступили мы къ назначенной позиціи; мнѣ предстояло быть съ 4-мя орудіями въ редутъ № 9.

Французы обошли эти укрѣпленія, и мы принуждены были отступить къ г. Витебску, гдѣ разыгралось авангардное дѣло, кончившееся тѣмъ, что у подполковника К. отбили 6-ть орудій, разбили Нѣжинскій драгунскій полкъ, и мы снова ретировались дальше, пока не подошли къ городу Смоленску.

Подъ Витебскомъ французы готовились нанести намъ жестокій ударъ, но ночью мы отошли, и при восходѣ солнца они нашли удобную для нихъ равнину пустою...

Хотя Мюратъ нагналъ дивизію Невѣровскаго, и французы потѣснили насъ, но дальше прорваться имъ не удалось.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на Смоленскъ, этотъ старинный городъ, и вотъ случилось, что мы съ прапорщикомъ Еф. отъ нашей бригады посланы были съ хлѣбопеками. Подъ этимъ городомъ соединились наши 1-я и 2-я арміи, подошла дивизія Невѣровскаго, силы эти преградили путь къ Москвѣ. Французская же армія остановилась подъ Витебскомъ. Барклай атаковалъ непріятеля, но рѣшительнаго дѣла не произошло. Силы Наполеона сосредоточились противъ нашего лѣваго фланга. Барклай поспѣшилъ тогда къ Смоленску. Отступившій Невѣровскій былъ подкрѣпленъ корпусомъ Раевского, и тогда они снова заняли Смоленскъ. Въ Смоленскѣ мы пробыли до тѣхъ поръ, пока корпусъ не двинулся для поиска непріятеля.

Дошедши до гор. Порѣчья и никого не встрѣтя, возвратились мы обратно къ Смоленску. Но въ какомъ видѣ представился онъ намъ...

Подъ Смоленскомъ, для русскихъ позиція была не удобная, и мы стали отступать; городъ же, временно, удерживался Дохтуровымъ. Послѣ 6-го августа, наши войска очистили пылающій городъ. Пламя пробивалось во многихъ мѣстахъ и своимъ заревомъ освѣщало ужасную картину.

Форштадтъ и сады заняты были нашими егерями, три роты 3-ей артиллерійской бригады по всѣмъ направленіямъ били непріятеля, ворвавшася въ городъ. Мѣстные жители снимали съ убитыхъ оружіе и становились въ ряды воиновъ; священники съ распятіемъ въ рукахъ предшествовали ратникамъ и умирали среди нихъ.

Населеніе бѣжало въ ужасѣ, таща на себѣ свой скарбъ; тутъ я видѣлъ добраго сына, несущаго на себѣ своего дряхлаго отца, тамъ мать пробиралась къ нашей позиціи безопасною тропою, укрывая

въ охабкѣ своихъ малютокъ, очевидно бросивъ все прочее въ жертву огня и непріятеля.

Гуль орудій, звукъ трубъ и барабановъ, стонъ раненыхъ и умирающихъ, вопль несчастныхъ обывателей и командныя слова на разныхъ языкахъ...

А сумракъ уже спускался, вызывая во мнѣ страшныя и жуткія картины, настойчиво рисовавшіяся въ моемъ воображеніи подъ впечатлѣніемъ пережитаго. Одно чувство смѣнялось другимъ, и я не зналъ, что со мною дѣлается... Въ такомъ настроеніи я подошелъ къ иконѣ Смоленской Божіей Матери, взятой нами изъ собора и поставленной на отдѣльный зарядный ящикъ 3-ей артиллерійской бригады. Усердно молился я передъ Нею за несчастныхъ жителей...

Едва сталъ я между двумя своими орудіями, какъ увидѣлъ передъ собою чиновника, въ статскомъ мундирѣ, съ ружьемъ за плечами, сидящаго на добромъ сѣромъ конѣ, со сворою собакъ.

„Г.г. артиллеристы, вы, вы одни оспаривали побѣду, закричалъ онъ; пѣхота не устояла; смотрите на наше пепелище“... Тутъ онъ залился слезами, взглянувъ на пылающій городъ и всхлипывая сказалъ: „Г.г. офицеры, Смоленскъ отворилъ Наполеону ворота въ сердце Россіи, и Москва не удержится“... И при этихъ словахъ скрылся.

Какой-то трепетъ прошелъ по мнѣ... Къ чему всѣ эти предсказанія, думалось мнѣ; неужели слава, покровительствовавшая нашему оружію въ прежнее время, теперь лишь мечта...

Когда французы заняли Смоленскъ, тогда русскіе были уже далеко, и непріятелю не удалось разбить насъ, а пришлось идти дальше.

Въ десять часовъ вечера мы отошли отъ города и къ 12-ти по полудни пришли на новую позицію. Здѣсь участвовали въ дѣлѣ только батарейныя роты, и тутъ палъ мой добрый товарищъ Ол., пораженный ядромъ въ ту минуту, когда онъ несъ зарядъ. Его положили на носилки, сдѣланныя изъ ивовыхъ вѣтвей, и перенесли къ иконѣ.

Въ то же время шедшая за нами толпа жителей остановилась, пала ницъ и умоляла о помощи; женщины, дѣти, старцы—всѣ рыдали.

Громко провозглашала священникъ вѣчную память убитымъ; горько плакали несчастные передъ иконою; молодая женщина съ груднымъ младенцемъ своимъ отчаянно бросилась передъ образомъ и кричала: „Матушка, Царица Небесная, за что ты насъ покинула“... Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но вся картина

и слова тѣ свѣжи у меня въ памяти до сихъ поръ, и когда я воспоминаю 12-й годъ, то ясно вижу и чувствую весь ужасъ пережитаго ¹⁾...

Бригада наша была уже впереди, почему вставъ съ прапорщикомъ Дуб. на стремяна моего рысака, упершись колѣнами въ сѣдло и обхватя другъ друга, пустились догонять свою роту.

Вечеромъ, сидя у бивачнаго огня, мы разсуждали о ничтожествѣ человѣка и всего происходящаго кругомъ, и вспомнилось мнѣ, какъ за два дня до смерти Ол. я, шутя, предсказалъ ему смерть. Когда мы стояли по сію сторону Днѣпра, противъ Смоленска, онъ былъ посланъ какъ бригадный адъютантъ отъ графа Кутайсова, бывшаго тамъ на батареяхъ, узнать, велика ли потеря въ ротѣ полковника Дитрикса, державшагося около 5-ти часовъ, съ 12-ю орудіями, противъ сильной непріятельской артиллеріи. Исполнивъ порученіе, Ол. возвращался лѣвымъ флангомъ позиціи, гдѣ я сидѣлъ съ трубкою около своихъ орудій. По ошибкѣ, я счелъ его за нашего поручика Греча, а у насъ велась примѣта, что если кто не узнаетъ товарища, тогда тому быть убитому; я это высказалъ Гречу, онъ посмѣялся, сказавъ, что по примѣтѣ я долженъ быть убитымъ въ первомъ же дѣлѣ; я, конечно, опровергалъ его.

Послѣ послѣдняго сраженія, армія наша дѣлала быстрые и трудные переходы, но всегда въ порядкѣ; всякаго продовольствія было въ изобиліи, однако войско начинало тужить, что главнокомандующій—нѣмецъ, не служитъ молебна, не даетъ сраженій, и были такіе, которые называли осмотрительнаго и храбраго Барклая—букою, требовали наступленія.

Придя къ г. Гжатску, мы услышали, что пріѣхалъ командовать арміей Михайлъ Илларионовичъ Кутузовъ.

Едва новый главнокомандующій показался передъ арміей, какъ

¹⁾ Чудотворная икона Божіей Матери Смоленской, извѣстная также подъ наименованіемъ Одигитріи (т. е. путеводительницы), является священнымъ памятникомъ 1812 года.

Съ августа до ноября упомянутого года, она возилась на передкѣ 1-го орудія батарейной № 3 роты 3-ей артиллерійской бригады, и передъ нею войсковыя части совершали молебны, бывали ею же благословляемы, отправляясь въ бой. Войсковая часть эта теперь называется 1-ой батареей 13-ой артиллерійской бригады. Первоначально икона Одигитріи находилась надъ воротами крѣпостной стѣны г. Смоленска, въ Днѣпровской башнѣ, а въ 1728 г. поставлена была въ устроенную надъ этими воротами церковь. Икона эта списана въ 1602 г. съ чудотворной иконы, находящейся въ Успенскомъ Смоленскомъ соборѣ и написанной Св. Евангелистомъ Лукою, съ лика Богоматери.

всѣ побѣжали ему навстрѣчу и отъ радости кричали ура. Кутузовъ поставленъ былъ въ главѣ армій благодаря народному голосу, но онъ, какъ говорили, не столько надѣялся побить столь сильнаго врага, какъ перехитрить его.

24-го августа мы пришли на позицію къ селу Бородину. Пѣхота, конница и артиллерія—заняли свои мѣста, а нѣкоторыя батарейныя роты поставлены въ редуты.

Кутузовъ съ корпусными командирами и своимъ штабомъ осмотрѣлъ позиціи, какъ нашу, такъ и непріятельскую. Ни съ одной стороны не было слышно выстрѣловъ, было все тихо, но тишина эта напоминала ту, какая бываетъ передъ бурей.

25 числа было небольшое авангардное дѣло, скоро прекратившееся.

Мы сѣли вокругъ нашего прежняго командира—полковника Глухова, чтобы послушать о многочисленныхъ приключеніяхъ, случавшихся во многихъ его походахъ; три штурмовые креста и Георгій украшали грудь героя и показывали, что онъ участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ, а также въ послѣдней войнѣ съ французами, подъ Прейсишъ-Эйлау.

Такъ время подошло къ ужину, и котелки со щами очищены были мигомъ за нашею товарищескою бесѣдой. Одинъ молодой офицеръ Зеленинъ сидѣлъ задумавшись и ничего не ѣлъ; замѣтивъ это, полковникъ пытался его развлечь, но все оказалось тщетнымъ.

— Бѣдняжка,—сказалъ онъ въ полголоса сидѣвшему возлѣ капитану Шишкину, онъ будетъ завтра убитъ. Была ли то вѣра въ фанатизмъ, но опытный глазъ пріучался видѣть ту печать неизбежной смерти на лицѣ человѣка, улавливаемую особенно старыми боевыми товарищами, которая являлась предвѣстницей незадолго до послѣднихъ минутъ жизни.

Зеленинъ не слышалъ тѣхъ словъ, но точно почувствовалъ, что его жалѣютъ и, стараясь ободриться, вышелъ изъ нашей компаніи. Мы также встали и едва начали расходиться, какъ онъ подошелъ къ моему брату, съ которымъ былъ очень друженъ, и сталъ просить его принять въ знакъ памяти новую ситцевую рубашку. Братъ надѣлъ ее и, взявъ огромную трубку, началъ комически представлять попа, желая развеселить и успокоить товарища; однако попытка эта оказалась напрасной.

Съ наступленіемъ темноты я легъ спать подъ заряднымъ ящикомъ, а рано утромъ насъ разбудили выстрѣлы батарейныхъ орудій, гремѣвшихъ со всѣхъ сторонъ.

Кутузовъ приказалъ отслужить молебень въ виду всего войска, и увидя вьющуюся надъ иконой птицу—предсказалъ побѣду. Хорошо

быть ученымъ, еще лучше быть опытнымъ; онъ возбудилъ бодрость духа въ душѣ русскаго человѣка.

Приложась къ иконѣ, я глядѣлъ на солдатъ, благоговѣнно подхлывшихъ послѣ меня. О, вѣра! Какъ животворна и чудесна твоя сила! Я видѣлъ, какъ солдаты, подходя къ образу Пресвятой Дѣвы, разстегивали мундиры и, снимая съ креста или образка послѣднюю монету свою, отдавали на свѣчи. Я чувствовалъ, глядя на нихъ, что мы не уступимъ непріятелю поля брани; казалось, помолясь, каждый изъ насъ получалъ новыя силы; живой огонь въ глазахъ всѣхъ изображалъ увѣренность съ Божіей помощью преодолѣть врага; каждый отходилъ какъ бы вдохновеннымъ и готовымъ къ бою, готовымъ умереть за свою родину. Москва только въ 110 верстахъ, какъ не заслонить ее грудью своею! Въ рядахъ нашихъ много было еще старослуживыхъ, помнившихъ Италійскій походъ, слава побѣды свѣжа была въ ихъ сердцахъ!

Укрѣпленіе мѣстности при Бородинѣ сдѣлано было спѣшно. Болѣе сильной позиціей являлся нашъ лѣвый флангъ, куда непріятель и повелъ атаку.

26-го августа онъ наступалъ здѣсь всею массою.

Громъ орудій усиливался; кавалерія кинулась въ атаку.

Въ два часа по полудни полковой квартирмейстръ Толь приказалъ своему адъютанту вести нашу роту на линію.

На половинѣ пути адъютантъ былъ убитъ; мы примкнули къ корпусу Дохтурова, стоявшему въ самомъ центрѣ арміи.

Не было возможности выстроить батарею въ прямую линію, такъ какъ убитые и раненые люди и лошади лежали грудями.

Едва мы успѣли сняться съ передковъ, какъ у моего единорога былъ убитъ канониръ и ранило штабсъ-капитана Таландера, съ нѣсколькими рядовыми; сорванною головою своего фейерверкера поручикъ Клиберъ былъ сбить съ ногъ (въ другой разъ пуля сплющила у него часы).

Я навелъ два свои орудія въ строившуюся противъ насъ колонну и сталъ у праваго колеса, чтобы видѣть дѣйствіе выстрѣла, но въ эту минуту былъ опрокинутъ... Что это? Не раненъ ли я? Фейерверкеръ Есафовъ, улыбаясь, глядѣлъ на меня: „не удивляйтесь, ваше благородіе, на Вострилова, онъ васъ оттолкнулъ отъ гранаты!..“

Я взглянулъ возлѣ себя и увидѣлъ двухъ солдатъ, убитыхъ осколками гранаты...

Кутузовъ перевелъ съ праваго фланга корпусъ Багговута въ помощь второй арміи и выслалъ казаковъ и кавалерію Уварова въ обходъ лѣваго фланга французовъ. Семеновскія высоты были глав-

нымъ пунктомъ позиціи, но подь вечерь мы принуждены, были оставить ихъ.

Отъ шума, крика, грома орудій и дыма, я не замѣтилъ, какъ рота надѣла на передки и пошла въ резервъ; я продолжалъ еще пальбу, когда ефрейторъ Петровъ доложилъ, что мы остались одни съ двумя орудіями.

Въ это время конная гвардія и кавалергарды пошли въ атаку, подь командой самого Барклая. Между моими орудіями бѣжали егеря съ ружьями на перевѣсъ и кричали „ура! впередъ! молодцы!“

Не успѣлъ я сняться и присоединиться къ своимъ, какъ наша кавалерія и егеря прогнали французскихъ кирасиръ, и мы двинулись впередъ, почти на ихъ позицію.

Нѣкоторые французскіе кирасиры прорвались кучками черезъ интервалы и заскакали въ нашъ резервъ: здѣсь они взяты были въ плѣнъ.

Разстройство нашей роты было чрезвычайное; мы потеряли свыше 50 человекъ и 20 лошадей; многіе зарядные ящики оказались пробитыми, передки и лафеты переломаны...

Потери наши подь Бородиномъ насчитывали до 40 или 50 тысячъ человекъ, но не меньше убыло и у французовъ.

Жажда мучила меня нестерпимо и, несмотря на свое изнеможеніе, я бросился къ колодцамъ, гдѣ шла перевязка раненыхъ, но подойти къ нимъ было нельзя изъ-за массы лежавшихъ людей.

Воротившись къ товарищамъ, я обрадовался несказанно манерочной крышкѣ чаю, который приготовилъ намъ всегда заботливый поручикъ Кл.

Напившись чаю и подкрѣпившись виномъ, начали мы между нами рассказы о пережитомъ въ послѣднемъ сраженіи; сраженіе не было рѣшительнымъ, и мы предполагали возобновить его на другой день; большія потери, однако, принудили отступить. Пересмотрѣвъ раненыхъ и братски простившись съ отправляемыми въ Москву, мы разошлись по полкамъ, чтобы узнать, что происходило въ нихъ. Потомъ я пошелъ въ роту Глухова, гдѣ увидѣлъ только шесть орудій и двухъ офицеровъ. „Гречъ пропалъ безъ вѣсти, а Зеленинъ убитъ“, сказалъ штабсъ-капитанъ Богдановичъ... И вспомнилось мнѣ предсказаніе стараго боевого служаки-полковника Глухова.

Вскорѣ остальные орудія начали подходить къ ротѣ, и подпоручикъ Сегуновъ 2-й, со слезами на глазахъ, показалъ намъ на запасный лафетъ, на которомъ лежало тѣло Зеленина. Сердце—вѣрный вѣщунъ, подумалъ я, и подошелъ къ покойному, отдать свой послѣдній поцѣлуй.

Наполеонъ потерялъ въ этомъ сраженіи болѣе 50 тысячъ чело-
вѣкъ, а съ нашей стороны потери были немногимъ меньше. Но что
было всего важнѣе—это то, что послѣ Бородинской битвы непріа-
тельская армія окончательно пала духомъ, хотя побѣда на полѣ
брани осталась за нею, и къ Москвѣ путь былъ свободенъ.

Едва я отошелъ отъ Зеленина, какъ меня зовутъ въ роту, гдѣ
получаю приказаніе отправиться въ Москву отыскать генераль-
провіантмейстра Ховена и на третій день къ утру доставить ротѣ
сухарей и фуражъ на Воробьевы горы, гдѣ предполагали дать
сраженіе.

Тотчасъ сѣвъ на раненаго своего коня, я поскакалъ въ Москву.
Къ четыремъ часамъ подъѣхавъ къ городу, я увидѣлъ, что черезъ
заставу проходитъ множество подводъ съ ранеными и тяжестями;
рѣшивъ проѣхать окольной тропинкой, пролегавшей черезъ валъ,
я находился уже у его подошвы, какъ вдругъ наскочили на меня
ратники, сдернули съ коня, и несмотря на мои объясненія и со-
противленіе они повели меня подъ конвоемъ къ генералу Койлен-
скому; просмотрѣвъ мои бумаги, этотъ послѣдній приказалъ меня
пропустить.

28-го и 29-го я былъ въ Москвѣ. Отыскать генерала Ховена въ
большомъ городѣ никакъ не удалось. Люди, съ которыми я встрѣ-
чался, съ любопытствомъ старались узнать—чѣмъ окончилось Боро-
динское сраженіе, и каково намѣреніе Кутузова насчетъ Москвы.
Они приглашали меня къ себѣ, расспрашивая обо всѣхъ подробно-
стяхъ битвы, а купцы снабжали всѣмъ нужнымъ и радушно
угощали.

Суханинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

